

А. Л. Вассоевич

Информационные войны

К истории становления приемов психологического воздействия

Статья представляет из себя заключительную главу коллективной монографии «Россия. Планетарные процессы», которая была опубликована издательством Санкт-Петербургского Университета в 2002 году (с. 717–751).

Всякая психологическая война есть война информационная, ибо психологические качества информации способны влиять не только на психические процессы и состояния, но и на психические свойства людей. Коль скоро в социо-биологическом смысле информация — это сведения об окружающем мире¹, используемые функционирующим организмом как осознанно, так и подсознательно, невозможно очертить области человеческой психики, которые не были бы подвержены информационному воздействию.

Подобно тому, как человек ориентируется в окружающем его пространстве, он самоопределяется и в своем внутреннем мире, в мире психических явлений. Но этот внутренний мир часто видоизменяется под воздействием внешних информационных факторов. И если мы ставим перед собою цель принципиально изменить внутреннее содержание человека, мы начинаем оказывать на него интенсивное информационное воздействие, то есть встаем на путь информационной войны.

О значении слова «информация»

Само слово «информация», широко распространенное в современном русском языке, латинского происхождения, где восходит к глаголу *in-formare* «образовывать, изображать, представлять». Таким образом, на латыни *informatio* — прежде всего «представление», например, у Цицерона (*De natura deorum*, I, 36, 100) мы читаем: «*Habebam, inquis, in animo insitam informationem quandam dei et barbatim quidem Iovis geletae Minervae. Num igitur esse tales putas*» («Я имел, говоришь ты, в душе некое представление о боге и о бородатом Юпитере и о Минерве в шлеме. Значит, ты их такими и считаешь»). Или другой пример из того же сочинения (*De natura deorum*, I, 16, 43): «*Quae est enim gens, aut quod genus hominum, quod non habeat sine doctrina anticipationem quandam deorum? quam appellat πρόληψιν Epicurus, id est anteceptam animo rei quandam informationem, sine qua nec intelligi quicquam, nec quaeri nec disputari possit*» («Есть ли такое племя или такой род людей, который без

¹ Для сравнения: «...информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших органов чувств», (См.: Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.).

всякого обучения не имел некоего предпонятия о богах — того, что Эпикур называет *πρόληψις*, то есть некоего предвосхищенного душою представления о вещи, без которого никому невозможно ни понять, ни исследовать, ни рассудить»).

В русский язык, согласно «Этимологическому словарю...» Макса Фасмера, слово «информация» входит со времен Петра Великого через польское *informatja*. Самое раннее употребление заимствованного слова относится к 1702 году: «Сотник Алексей Туранской явился в его, великого государя, поход у Шлотбурка... и объявил данную ему **информацию**, по которой велено ему донести великому государю словесно» (ПБП II, 194)². Этот и другие примеры словоупотребления, заимствованные из «Словаря русского языка XVIII века», убеждают, что в петровское время «информация» означала «уведомление, извещение, донесение». Однако, в отличие от столь алчной до иностранных заимствований эпохи петровских реформ, в последующие десятилетия XVIII века, а также на протяжении всего XIX века слово «информация» используется не слишком часто, а потому в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля его просто нет. Зато мы обнаруживаем его в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», составленном под редакцией А. Н. Чудинова и многократно переиздававшемся в начале XX века. Там мы читаем: «**Информация** (ново-лат. этим. предыдущее слово) — учение, наставление, просьба, указание, справка». Предыдущее же слово, к которому отсылает нас А. Н. Чудинов, — «**Информатор** (ново-лат. от лат. *informare*) — домашний учитель». И это значение, конечно же, изумляет тех, кто

давно привык к тому, что информатор — это осведомитель (чаще всего осведомитель спецслужб)³.

В советское время в русском языке в качестве синонима иностранного слова «информация» долгое время использовался не совсем удачный отечественный эквивалент — «сообщение». Неудачный хотя бы уже потому, что он часто употреблялся в сочетании с прилагательным «информационный». Например: «*Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета КПСС*», то есть в буквальном смысле «сообщенное сообщение о Пленуме...». И хотя в годы Великой Отечественной войны от Советского Информбюро, естественно, передавались сообщения, но служили они формированию необходимых представлений о характере военных действий. Стоит ли удивляться, что еще в 1953 году для составителей советского «Энциклопедического словаря» информация — это «*сообщение, осведомление о чем-либо*». Выпущенный в том же году под общей редакцией академика С. П. Обнорского «Словарь русского языка» С. И. Ожегова подтверждает синонимичность слов «информация» и «сообщение».

Лишь после политической реабилитации такой «*буржуазной лженауки*», как кибернетика, термин «информация» начинает использоваться для обозначения количественной меры устранения неопределенности (энтропии), для обозначения меры организации системы. В научно-технической среде возникает мнение, что информация — это физическая величина, такая же, как, например, энергия или скорость, что в определенных условиях она равным образом описывает процессы, происходящие как в естественных физических системах, так и в системах, искусственно созданных.

² Словарь русского языка XVIII века. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 9. СПб.: «Наука», 1997, с. 108.

³ В России, начиная с 30-х годов XVIII столетия, заимствованное через немецкое посредство слово «**информатор**» означало, прежде всего, «учитель, наставник». Например: «*Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила*» (Лом. АСС IX, 451). См.: Словарь русского языка XVIII века. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 9. СПб.: «Наука», 1997, с. 108.

Однако советская философская наука даже в новых общественно-политических условиях продолжала видеть для себя «реальную опасность возведения кибернетического понятия „информация“ в ранг философской категории, а теории информации — в ранг „всеобщей методологии науки“⁴». «Иными словами говоря, — писал встревоженный философ Н. И. Жуков в 1987 году, — в силу особенностей языка понятие „информация“ выступает как свойство всей материи, хотя им и не является». И далее: «Следует отметить, что расширительное толкование информации как всякого разнообразия, различия, структуры (Й. Земан, Р. Эшби, А. Д. Урсул) чревато опасностью возведения этого понятия в ранг философской категории, что является примерно таким же насилием, какое допускается при „укладывании“ природы в прокрустово ложе сформулированных человеком на данном этапе развития законов науки, знаний вообще. Объявить информацию атрибутивным свойством материи — все равно что считать вкус и подобные качества, присущие вещи, совершенно не зависящими от органов чувств субъекта»⁵. Однако современная политическая психология, уделяя все большее внимание теоретическим аспектам применения разнообразных информационных технологий, сегодня как никогда нуждается в приемлемом для нее определении самого понятия «информация», семантическое поле которого чрезвычайно расширилось и давно не вмещается в узкие смысловые рамки существительного «сообщение». Сегодня, пишет Д. Ф. Мезенцев, «средства массовой информации дают, как правило, не чисто информационные материалы — конкретные факты, цифры,

тексты тех или иных заявлений. Скорее, они порождают то, что можно было бы назвать информационными конструкциями»⁶. В приведенных словах, несомненно, скрыта исследовательская неудовлетворенность тем смысловым наполнением, которое было характерно при общеупотребительном использовании слов «информация» и «информационный» в нашей стране. И именно она заставила Д. Ф. Мезенцева ввести в обиход отечественной политической психологии понятие **информационной конструкции** (от латинского informatio «представление» + constructio «построение», то есть «построение представлений») для обозначения совокупности элементов информации, определенным образом соотношенной с заданной социальной и политической установкой.

Любопытно, что в качестве мезенцевских информационных конструкций можно рассматривать и теоретические построения отечественных ученых, связанные с понятием информации.

Действительно, цепи ассоциаций, возникшие в XX веке вокруг латинского слова с исходным значением «представление», были столь многообразны, что, наконец, породили в ученой среде убежденность: существуют, по меньшей мере, четыре типа информации.

Во-первых, **связанная информация**, то есть целесообразно упорядоченная структура кибернетической схемы на всех уровнях ее структурной организации, память в широком смысле слова.

Во-вторых, **свободная информация**, то есть целесообразно упорядоченная пространственно-временная структура взаимодействий, или «сведения» об отражаемом (именуемая *относительной* информацией), и вместе с

⁴ Автор ссылается на: Бриллиант Л. Научная неопределенность и информация. — М., 1966, с. 12.

⁵ Жуков Н. И. Проблема сознания. Философский и специально-научный аспекты. Минск, Изд-во «Университетское», 1987, с. 137.

⁶ Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // «Вестник политической психологии», №1(2) СПб., 2002, с. 29.

тем та социальная информация, которая содержится в предметах духовной культуры.

В-третьих, **актуальная информация**, или **информационный процесс**, сходный с сознанием, но ему не тождественный, функциональное свойство кибернетических систем, или единство вовлеченных в процесс управления *связанной и относительной информации* (разрываемое лишь мысленно).

Наконец, **потенциальная**, застывшая, или «мертвая» информация, выработанная кибернетической системой, но пребывающая в покое, информация зафиксированная. Относится сюда связанная информация незадействованных технических устройств и других предметов материальной культуры, а также закодированная в знаках свободная информация, точнее вся созданная человеком духовная культура, социальная память общества, *«внеличностная форма существования информации»*⁷.

И как тут не вспомнить уже приводившиеся выше слова Цицерона **«Num igitur esse tales putas»** (*«Значит, ты их такими и считаешь»*). В этом нет ничего удивительного. Ведь *«мышление, — как справедливо замечал великий русский физиолог И. П. Павлов, — до известного пункта ничего другого не представляет, как ассоциации, сначала элементарные, стоящие в связи с внешними предметами, а потом цепи ассоциаций»*⁸.

Основная проблема для тех отечественных мыслителей, которые страшились *«опасности возведения»* интересующего нас понятия *«в ранг философской категории»*, безусловно, заключалась в том, что информация выступает как свойство объектов и явлений порождать многообразие состояний, и при этом не только психических. Эти состояния посредством отражения передаются от одного объекта к другому, запечатлеваясь в структуре объекта. Но ведь при отсутствии отражения могут и не передаваться. А это означает лишь то, что

мы должны различать **информацию в себе** и **информацию для нас**. Информация для нас — это наше знание об объекте или процессе. Информация в себе — это реальное содержание объекта или процесса.

Согласно известному постулату В. А. Ганзена, любая цельная реальность наблюдаемого мира необходимо интегрирует в себе временные, пространственные, информационные и энергетические характеристики. Думается, что те информационные характеристики, о которых говорил выдающийся советский психолог, исходя из нашей вышеизложенной позиции, конечно же, являются **информацией для нас**, в то время как **информация в себе** тождественна самой реальности (вне зависимости от того, наблюдается она кем-то или нет).

Приемы информационно-психологического воздействия в исторической практике

Всякое знание — сила, но знание о противнике — сила вдвойне. Эта нехитрая истина стала понятна человечеству со времен глубочайшей древности. До нас, к примеру, дошли разведывательные донесения, направленные ассирийским царям Тукульти-апал-эшаре III (744–727 гг. до н. э.) и Шарру-кену II (721–705 гг. до н. э.). При этом наследник ассирийского престола царевич Син-аххе-риба, возглавлявший военную разведку, готовил для Шарру-кена II общую сводку разведывательных донесений.

Но не только секретные донесения разведчиков с территорий потенциальных противников и итоговые сводки, составленные на их основе, дошли до нас на клинописных табличках. Для предыстории информационных войн особый интерес представляет изобретение «дезинформационных» глиняных конвертов, внутри которых запрятывали табличку с достоверной информацией. Текст же, начертанный на «дезинформационном»

⁷ Жуков Н. И. Проблема сознания. Философский и специально-научный аспекты. Минск, Изд-во «Университетское», 1987, с. 138–139.

⁸ Павловские среды. — М.; Л., 1949. — Т. 2., с. 585.

конверте, должен был либо успокоить, либо ввести в заблуждение непосвященных. Получатель же, разбив конверт, становился обладателем нужной информации.

Не подлежит сомнению, что в старовавилонский период это хитроумное изобретение было хорошо известно. Об этом, к примеру, достаточно ясно говорит шумерийский текст, повествующий о непростых взаимоотношениях между Ур-забобой, который царствовал в городе Кише предположительно ранее 2316 г. до н. э., и его слугой, военачальником Шаррум-кеном (будущим основателем династии Аккада)⁹. Как и большинство шумерийских литературных текстов, это сказание дошло до нас в копии старовавилонского времени, хотя, по мнению В. К. Афанасьевой, оно вполне могло быть создано где-то во времена царствования Нарам-Суэна (условные годы правления — 2236–2220 до н. э.), то есть примерно через одно-два поколения после смерти легендарного основателя Аккада. В таком случае и изобретение глиняных дезинформационных конвертов уж всяко восходит к годам правления того властителя, который вдруг додумался величать себя Na-ra-am-^dEN. ZU lugal A-ga-dé an-ub-limú-ba («Нарам-Суэн, царь Аккада, царь четырех сторон света»), и тем самым (выражаясь на современный лад) уже оказался едва ли не первым «глобалистом» в истории человечества.

Но обратимся непосредственно к шумерскому тексту¹⁰, повествующему о непростых взаимоотношениях между царем Ур-забобой и Шаррум-кеном:

Транскрипция:

(53) u₄-bi-ta hm-ma ḡub-bu h^é-gál^ḡ im ḡsi-si^ḡ-ge ba-ra-gál-la-àm

(54) lugal ^dUr-^dza-ba₄-ba₄ m^šar-ru-um-ki-in ḡdingir-re-e^ḡ-ne šu-du₁₁-ga-ar

(55) im-ma gub-bu níg ní ba-ug₇-a-ta

tu-up-pa iš-tù-ur-šu ša šu-mu-ut ra-ma-ni (-[šu]?)

(56) Unu^{ki}-ga Lugal-ža-ge₄-e-si šu ba-ni-ib-tag₄-tag₄

Перевод:

(53) А тогда глину для письма знали, глину для конверта не знали

(54) Царь Ур-забаба Шарру-кену, созданию богов,

(55) Табличку написал ему об умерщвлении его самого

(56) В Урук к Лугальзагеси отправил.

В. К. Афанасьева — первый переводчик на русский язык этого древнего, сильно поврежденного литературного памятника полагала, что «в тексте подчеркнуто то обстоятельство, что покрытия (оболочки) для письма не было, следовательно весть можно было свободно прочесть и даже изменить смысл»¹². Но возможна и совершенно иная гипотеза. Предположим, что столь заинтересовавшее нас хитроумное изобретение появилось где-то во времена правления Ур-забобы в подвластном ему Кише, но при этом в других шумерийских городах-государствах еще не приобрело должной известности. В таком случае допустимо и совершенно иное развитие сюжета: табличка с распоряжением об умерщвлении Шаррум-кена Древнего была спрятана внутри глиняного конверта, в то время как на самом конверте содержалось распоряжение об убийстве «княжьего сына» (см. TRS 73 rev., строка б). Тогда весь драматизм шумерийской легенды заключается в том, что «информационная технология», уже доступная Ур-забобе, царю Урука Лугальзагеси еще не

⁹ Предполагают, что Шаррум-кен Древний правил с 2316 по 2261 г. до н. э.

¹⁰ Cooper J. S., Heimpel W. The Sumerian Sargon Legend. // "Journal of the American Oriental Society", 103.1 (1983).

¹² В. К. Афанасьева. Аккадские правители в шумерском эпосе: Саргон древний // «Вестник древней истории», 1989, № 2, с. 12.

была известна и он казнил не того, кого следовало бы. Но все-таки проще всецело довериться словам 53-ей строчки и считать, что при Лугальзагеси защитного покрытия еще не изобрели и Шаррум-кен смог сам прочесть незащищенную дезинформационным слоем табличку, что и позволило ему избежать смерти¹³. Впрочем, для окончательного заключения необходимо обречение клинописного текста всей шумерийской легенды в неповрежденном виде.

Так или иначе, то старинное шумерийское изобретение, о котором мы осведомлены благодаря тексту, повествующему об интригах Ур-забабы против Шаррум-кена, может в наглядно-образной форме символизировать философскую идею о существовании «*информации в себе*» и «*информации для нас*». При этом не следует думать, что разрушительная функция свойственна только недостоверной или заведомо неполной информации. В грозное информационное оружие, как о том нам свидетельствует Библия, могут превращаться и достоверные сведения.

Мы уже поминали выше ассирийского царевича Син-аххе-риба, возглавлявшего в VIII веке до н. э. службу внешней разведки. Став царем, он, в полном соответствии с традициями ассирийской военной державы, начинает многочисленные завоевательные походы, некоторые из которых даже описываются в библейских книгах (Исайя, Вторая книга царств). Для предыстории информационных войн особое значение имеет рассказ об осаде Иерусалима, во время которой ассирийский военачальник, именуемый *раб-шаке* *rab-šaqē* (в синодальном переводе Рабсак), начинает при переговорах с Елиакимом, Севной и Иоахом прилюдно оглашать сведения, не предназначенные для рядовых граждан.

Исайя, 36, 4–6:

וַיֹּאמֶר אֱלִיקִים וְשִׁבְנָא וַיֹּאחַ אֶל־רַב־שָׁקָה דְבַר־נָא
אֶל־עַבְדֵיךָ אֲרָמִית כִּי שְׂמַעִים אֲנַחְנוּ וְאֶל־תְּדַבֵּר
אֵלֵינוּ יְהוּדִית בְּאָזְנֵי הָעָם אֲשֶׁר עַל־הַחוּמָה׃ וַיֹּאמֶר רַב־שָׁקָה
הֲאֵל אֲרָמִית וְאֵלֵיךְ שָׁלַחְנִי אֲדִי לְדַבֵּר אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וְהָאֵל
עַל־הָאֲנָשִׁים הַיְשָׁבִים עַל־הַחוּמָה לְאָכֹל אֶת־חֲרָאֵיהֶם וְלִשְׁתּוֹת
אֶת־שִׁנְיֵי הֶם עַמְּכֶם׃

Транскрипция:

wajjōmer 'alēhem rab-šāqe 'imrū-nā 'el-
hizqijjāhū ko-'amar hammelek haggādōl
melek 'aššūr mā habbiṭṭāhōn hazze 'ašer
bātahta⁽⁵⁾ 'āmartī 'ak-d'bar-šeptajim 'eš
a ūg'ebūrā lammilhāmā 'attā 'al-mī bātahta
kī māraḏtā bī⁽⁶⁾ hinnē bātahta 'al-mīš'eneṭ
haqqāne hārašūš hazze 'al-mišrajim 'ašer
jissāmēk 'iš 'ālāw ūbā b'kappō ūn'qābah kēn
par'ō melek-mišrajim l'kol-habbōṭ'hīm 'ālāw.

Синодальный перевод:

«⁽⁴⁾ И сказал им Рабсак: скажите Езекии: так говорит царь великий, царь ассирийский: что за упование, на которое ты уповаешь? ⁽⁵⁾ Я думаю, что это одни пустые слова, а для войны нужен совет и сила: итак, на кого ты уповаешь, что отложился от меня? ⁽⁶⁾ Вот ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее! Таков фараон, царь египетский, для всех уповающих на него».

Но самое любопытное, пожалуй, заключается в том, как Елиаким, Севна и Иоах реагируют на слова Рабсака (Исайя, 36, 11–12).

וַיֹּאמֶר אֱלִיקִים וְשִׁבְנָא וַיֹּאחַ אֶל־רַב־שָׁקָה דְבַר־נָא
אֶל־עַבְדֵיךָ אֲרָמִית כִּי שְׂמַעִים אֲנַחְנוּ וְאֶל־תְּדַבֵּר
אֵלֵינוּ יְהוּדִית בְּאָזְנֵי הָעָם אֲשֶׁר עַל־הַחוּמָה׃ וַיֹּאמֶר רַב־שָׁקָה
הֲאֵל אֲרָמִית וְאֵלֵיךְ שָׁלַחְנִי אֲדִי לְדַבֵּר אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וְהָאֵל
עַל־הָאֲנָשִׁים הַיְשָׁבִים עַל־הַחוּמָה לְאָכֹל אֶת־חֲרָאֵיהֶם וְלִשְׁתּוֹת
אֶת־שִׁנְיֵי הֶם עַמְּכֶם׃

Транскрипция:

⁽¹¹⁾ wajjōmer 'eljaqīm w'ešebnā w'jō'āh 'el-
rab-šaqē ḏabber-nā 'el-'abādekā 'arāmīt kī

¹³ В. К. Афанасьева по этому поводу пишет: «Фраза, где подчеркивается, что тогда умели делать глиняные таблички, но не умели делать конверты, в которой издатели текста справедливо видят пародийный намек на аналогичную фразу из эпоса о Энмеркаре и владыке Аратты, мне представляется в первую очередь прямым указанием на возможность Саргону самому прочесть табличку и тем самым избежать смерти (ср. стк. 53 эпоса: u₄-bi-ta jn-ma 'gub-bu ḥé-gál¹ 'im si-si²-ge ba-ra-gál-la-ám, u₄-bi-ta inim im-ma geb-ba nu-ub-ta-gál-la)». (Там же, с. 6).

šōm^{ec}īm 'anāhñū w^eal-t^edabbēr 'ēlēnū j^ehūtīd
b^e'īznē hā^cām 'ašer ^cal-haḥōmā

(12) wajjō^rmer rab-šāqē ha'el 'a^dōnēkā w^eelekā
š^elaḥanī 'a^dōnī l^edabbēr 'et-hadd^ebārīm hā'ēlle
h^alō' ^cal-hā'nāšīm hajjōš^ebīm ^cal-haḥōmā
le'kīl 'et-ḥōrā'hām w^elišōt 'ēt-šējēnajēhem
^cimmākem.

Синодальный перевод:

«⁽¹¹⁾ И сказал Елиаким и Севна и Иоах Рабсак: говори рабам твоим по-арамейски, потому что мы понимаем, а не говори с нами по-иудейски, вслух народа, который на стене.

⁽¹²⁾ И сказал Рабсак: разве только к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать слова сии? Нет, так же и к людям, которые стоят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами».

Современная египтологическая наука своими многочисленными исследованиями может подтвердить справедливость сравнения Египта времени XXV (кушитского) царского дома с надломленной тростью¹⁴, которое сделал Рабсак. Таким образом, уполномоченный ассирийского царя боролся с противником оружием правды. Однако история Древнего Мира свидетельствует также и о том, что при решении важных политических задач дезинформационные технологии часто оказывались более успешными, чем слова раздражающей истины.

Известно, сколь немаловажную роль в гибели Юлия Цезаря, упразднившего республиканский строй в Риме, сыграли его честные, но жесткие высказывания о римской республике: «Nihil esse rempublicam, appellationem sine corpore ac specie» («Республика — ничто,

наименование без тела и облика») (Suetonius. De vita duodecim Caesarum, 1, 77). Еще большее раздражение вызывало то обстоятельство, что среди ближайшего окружения Цезаря уже находились охотники именовать его Rex — «Царь». А ведь все это совершалось в ту пору, когда республиканские традиции в Риме были еще сильны. Естественно, что против диктатора, столь смело обнажавшего свои истинные намерения, был составлен заговор, кончившийся его убийством.

Август, без сомнения, извлек урок из гибели своего предшественника. Его режим, вошедший в историю под названием принцепата, уже в полной мере использовал всю мощь политического лицемерия. Осуществленный тогда выброс дезориентирующей информации позволил Августу управлять политической ситуацией. При Августе официальной формулой режима становится *respublica restituta* («восстановленная республика»). Подобно тому, как в памятные нам дни горбачевской перестройки известная формула «Больше демократии — больше социализма» маскировала планы уничтожения социалистической системы, *respublica restituta* прикрывала рождение Римской империи. Иными словами, взяв на вооружение приемлемую для римского общества политическую фразеологию, Август смог добиться того, к чему Цезарь стремился, но чего так и не смог достичь, обнажая свои истинные цели¹⁵.

В ходе своего исторического развития человечество, однако, усвоило не только приемы удачного применения дезориенти-

¹⁴ Zeissl H. von. Äthiopen und Assyrer im Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», Gluckstadt-Hamburg, 1944. S. 46. См. также: Vasojević A. Soziale Gruppen Ägyptens zur Zeit der assyrischen Eroberung. // «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Bd. 117, Heft 2, Berlin, 1990, S. 171–178. (Переиздание на с. 49–53 настоящего выпуска «Вестника политической психологии»). Русская версия статьи: Васосевич А. Л. Социальные группы Египта в условиях ассирийского завоевания // Социальные группы традиционных обществ Востока. ч. I, М., «Наука», 1985, с. 3–16.

¹⁵ А. И. Юрьев под дезориентирующей информацией предлагает понимать информацию, «неправильно определяющую собственное местонахождение в историческом процессе, экономическом состоянии, отношениях с иными народами и государствами». — Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., Изд-во СПбГУ, 1992, с.107.

рующей информации, когда ее потребители теряли представление о реальных политических процессах, происходящих в обществе. Очень рано сформировались и навыки психологического воздействия посредством дискредитирующей информации. Само латинское по происхождению слово «дискредитация» восходит к глаголу **dis-credo** — «не верю», встречающемуся у Юлия Валерия. Слово содержит приставку **dis-**, означающую разделение, разъединение, расчленение, и глагол **credo** — «верую». Дискредитация, таким образом, есть разуверивание или обезверивание. А потому о дискредитирующей информации правильнее всего говорить, опираясь на примеры из истории религий.

Хорошо известно, что возникновение христианства представляло серьезную опасность и для языческих верований, и для талмудического иудаизма. Немудрено, ведь свою социальную опору новая религия обрела вначале среди тех, кого в среде книжников и фарисеев презрительно именовали עמי הארץ *‘ammē ha’āreš* — «народы земли». Не следует думать, что за этим словосочетанием скрывается присущее талмудистам презрение ко всему человечеству. Нет, термин обозначал иудейское простонародье, которое занималось тяжелым земледельческим трудом. Однако люди труда (עמי הארץ *‘ammē ha’āreš*) отвечали на неприязненное отношение к ним со стороны книжников и фарисеев еще более глубокой ненавистью. Вот что говорит нам по этому поводу талмудический трактат Песахим 44 b:

גדולה שנאה ששונאין עמי הארץ לתלמידי חכמים יותר
משנאה ששונאין עובדי ע'ז את ישראל ונשותיהן יותר מהן ;

Транскрипция:

gēḏolā šin'ā š'šōn'īn 'ammē ha'āreš l'talmīdē ḥaḳamīm jōtēr mišin'ā šešōn'īn 'ōb'edē 'abōdā zārā 'ēt jisrā'el ūn'sōtēhen jōtēr mēhen

Перевод: Велика ненависть, которой ненавидят „народы земли“ учеников мудрецов, она больше ненависти, которой ненавидят Израиль поклоняющиеся „чужому служению“. А жены их (т. е. жены простонародья) (ненавидят учеников мудрецов еще) больше их.

Естественно, что те, кого талмудисты лишали какой бы то ни было надежды на спасение, требуя ради него неукоснительного соблюдения великого множества жестких предписаний своих трактатов, потянулись к Иисусу, который предлагал спасение всем. «Пропасть между праведным законником и грешным человеком была так велика, идеал казался таким недостижимым, что перед ним рождался ужас и начиналось искание новых путей,— писала чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. — В раввинистических кругах сохранялась старая закваска, а Царство божие должно было подняться на новых дрожжах. В Иоанне Крестителе, Иисусе, апостолах мы видим учителей этой народной массы — учителей, которые из нее вышли, были ей близки и ее же стремились научить истине, которая им открывалась. Если мытари присоединились к Иисусу, то потому, что они также представлялись отрицательным явлением в глазах раввинистических групп и не могли надеяться на спасение. Народ, проклятый за неисполнение закона, и мытари, проклятые за свою грешную жизнь, соединились в жажде найти истину»¹⁶. И тут книжники и фарисеи ощутили немалое беспокойство и еще прежде, чем Христос был распят, прибегли к использованию всевозможной дискредитирующей, то есть разуверивающей, информации.

Во-первых, началось оспаривание божественности природы Христа, как о том повествует трактат Та'анит 65 b:

אמר רבי אבהו אם יאמר לך אדם אל אני
מכובד הוא בן אדם אני סופו לתהות בו שאני עולה
לשמים ההוא אמר ולא יקימנה:

¹⁶ Пигулевская Н. В. Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в Римскую эпоху // Ближний Восток, Византия, славяне. Л., «Наука». 1976, с. 109.

Транскрипция:

'amar rabbī 'abbāhū 'im jō'mar l'kā 'ādām 'el 'anī m'kazēb hū' bēn 'ādām 'anī sōpō lit'ehōt bō še'anī 'ōle laššāmajim hāhū' 'amar w'lō' j'qīmēnā

Перевод: «Сказал рабби Аббаху: Если скажет тебе человек: „Бог — я“, (то) лжец он. „Сын человеческий я“ — конец этого для него в раскаянии, так как „Я поднимусь на небеса“ — именно это сказал он и не осуществит (этого)».

Во-вторых, стали утверждать, что Христос — сын римского легионера, носившего имя פנדרא — Пантера.

В-третьих, хотя и признавалось, что Иисус совершал чудеса, но сам он при этом объявлялся египетским чародеем. Так в талмудическом трактате Шаббат 104 b по этому поводу говорится: בן סטרא הוציא כשפים ממצרים — bēn saṭ'eddā' hoṣī' k'šārīm mimmišrajim, то есть «Сын Сатедды (другое талмудическое прозвище Иисуса) вынес чары из Египта». Однако такая трактовка, восходящая к рабби Елизэру, удовлетворяла отнюдь не всех. Иные на это ему отвечали: שופה הוה ואין מביאין ראיה מן השופים — šōṭe hāwā w'e'n mēbī'īn r'e'ajjā min haššōṭīm — «Дурак был и не приводят свидетельства от дураков».

Стоит ли удивляться тому, что даже рабби Меир, отличавшийся кротостью и добросердечием, называл Евангелие «немошным» сочинением (дословно און גליין — 'awen gillājōn — «немошь листа»), а рабби Йоханан просто считал его сочинением «преступным» (дословно עון גליין — 'awōn gillājōn «преступлением листа»).

В средние века эта иудаистическая традиция информационной войны против чуждой (христианской) религии была дополнена также дискредитацией пророка Мухаммада и ислама. Свое наиболее яркое эмоциональное выражение она, пожалуй, нашла в известном фрагменте книги Зохар

(III, 282a — Ra'jā mehēmna)¹⁷, книги, которая является вторым по важности (после Сефер Йецира) каббалистическим сочинением.

מסמרא דעבודה זרה אוקריאא שבתאי ליליה אשפה מעורבת בנין דצואה מעורבת מכל מיני פנוף ושרץ דזרקין בה כלבים מתים ומורים מתים בני עשו וישמעאל(ל) רבה ישו ומחמד דאינון כלבים מתים קבורים בהו איהי קבר דעבודה זרה דקברין לון ערלים כלבים מתים שקין וריח

Транскрипция:

mistōrā d'ec'c' bōdā zārā 'atqāri'at šabbaṭā'e l'ilīt 'ašpā m'ec'c' urebeṭ b'g'in d'e'šō'ā m'ec'c' urebeṭ mikkōl mīnē ṭinnūp w'ešereṣ diz'raqīn bah k'e'lābīm mēṭīm w'hamōrīm mēṭīm b'e'nē 'e'sāw w'e'jīsmā'e(l) rabbah j'e'sū w'mōḥammad d'e'innūn k'e'lābīm mēṭīm q'ḥūrīm bahū 'j'hī qeḇer d'ec'c' bōdā zārā d'qōberīm lūn 'ca'rēlīm k'e'lābīm mēṭīm šeḡeṣ w'e'rēaḥ

Перевод:

«Тайна чужого служения — лживость субботы Лилит, мусор, мешанный ради кала, мешанный из всех видов нечистот. И червивые отбросы в нем: дохлые собаки и дохлые ослы — сына Исава и Исмаила. Господин ее (т. е. выгребной ямы) Иисус и Мухаммад — воздыхатели о дохлых собаках, похороненных там. Пусть будет могилой чужого служения, в которой погребают необрезанных дохлых собак, мерзость и вонь».

Приведенный нами отрывок текста на арамейском языке — яркий образец дискредитирующей, то есть обезверивающей информации, которая должна была, по изначальному замыслу, конечно же, возбуждать чувство глубокого отвращения и брезгливости как к христианству, так и к исламу. Несомненно, что творец текста обитал в мусульманской среде, которая была ему до того отвратительна, что при написании имени Исмаила — שמעאל(ל) (библейского персонажа, от которого арабы ведут

¹⁷ Laible H. Jesus Christus im Thalmud. Mit einem Anhang: Die thalmudischen Texte, mitgeteilt von Lic. Dr. Gustaf Dalman. Berlin, 1891, S. 19*.

свое происхождение), он опустил конечную букву *ламед*, чтобы не допустить сочетания букв *לם*, ибо двумя этими буквами пишется слово Бог. (Поэтому мы восстанавливаем *ל* в круглых скобках). Возможно, такие филологические подробности и не заслуживали бы внимания в рамках настоящей работы, если бы в памяти миллионов (некогда «советских людей») не сохранились обязательные орфографические требования: писать слова «бог» и «библия» с маленькой буквы. Подобного рода нарочитые орфографические уничижения также являются орудиями информационной войны, которая ставит перед собой задачу разуверить широкие народные массы.

Дискредитирующей информации часто принадлежит важное значение в деле формирования образа врага, а следовательно, и в процессе сплочения любого этноса в соответствии с принципом «против кого дружим?». Ведь с психолого-политической точки зрения «ЭТНОС—это любое объединение людей, которые осознают свою общность, то есть могут сказать о себе „МЫ“», справедливо замечает А. М. Зимичев и добавляет: «Для того, чтобы этнос мог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру, т.е. „НЕ МЫ“». Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на „МЫ“ и „НЕ МЫ“»¹⁸. Учитывая основополагающее значение веры в таких противопоставлениях, необходимо признать, что талмудические законоучители, дискредитируя чуждые им религии, способствовали сплочению еврейских общин в непростых условиях рассеяния.

Следует особо подчеркнуть, что наряду с дискредитирующей информацией важнейшую функцию могут выполнять также ложные сообщения, «которые вводят общественное мнение в заблуждение под ви-

дом истинных»¹⁹. Именно они в классификационной схеме А. И. Юрьева именуется дезинформацией. Естественно, что общественное мнение в целом складывается из мнений отдельных лиц, а потому жертвами дезинформационных стратегий часто оказываются и малые группы, и конкретные личности (в первую очередь, принимающие ответственные решения).

История войн дает нам великое множество примеров, когда посредством дезинформации противника относительно своих планов полководцам удавалось реализовать свои истинные цели. Примечательно, что в нашей стране грозное дезинформационное оружие было использовано еще Петром I для прорыва к берегам Балтийского моря. В российских верхах прорыв планировался на осень 1702 года. При этом великий государь не только осуществил дерзкий замысел проложить в безлюдных северных дебрях «Осудареву дорогу», путь для перехода войск и переволоки двух боевых кораблей из одного морского бассейна в другой, но и дезинформировал шведов о своих истинных целях. Как пишет П. А. Кротов, «исследователи прежде не замечали информации, содержащейся в донесении австрийского дипломата в Москве О. А. Плеера», которое он отправил в Вену 15 апреля 1702 г. «За несколько дней до отъезда Петра I из столицы к Архангельску, дипломат сообщал своему правительству, что на севере России готовится встретить царя, который якобы намерен в течение лета предаваться забавам на берегах Белого моря»²⁰. Тем не менее, О. А. Плееру удалось раздобыть и достоверные сведения о тайных планах русского царя, сознательно возмущавшего Европе о своем намерении, увеселяясь в Архангельске, поджидать возможного подхода шведской эскадры, чтобы дать ей отпор. Весьма осведомленный австрийский

¹⁸ Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., «Санта», 1993, с. 55.

¹⁹ Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., Изд-во СПбГУ, 1992.

²⁰ Кротов П. А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999, с. 179–181.

дипломат, меж тем, доносил своему правительству следующее: «...мне доверительно сказали, что это лишь предлог, а истинный замысел состоит в том, чтобы вновь пойти на Нарву, хотя некоторые убеждали царя идти к Ниеншанцу».

Сейчас уже сложно понять, не был ли упомянутый О. А. Плеером замысел Петра I «вновь пойти на Нарву» более глубоким дезинформационным слоем, призванным защитить тот главный стратегический замысел, благодаря осуществлению которого мы имеем сейчас возможность праздновать 300-летие основания Санкт-Петербурга. Примечательно, что в далеком 1702 году даже проницательный австрийский дипломат придерживался мнения о предпочтительности для русского государя похода к Нарве и рассуждал следующим образом: «...когда он будет находиться в Архангельске, неприятель станет уверенно считать, что он там развлекается, а он, между тем, вознамерился быстро пройти через Архангельск на Новгород и Псков и затем продолжить поход к Нарве. А Шереметев, тем временем, должен с сильной армией наблюдать за врагом в поле, дабы (тот) не смог оказать помощи городу (Нарве)».

Замечательный знаток истории XVIII века П. А. Кротов, детально анализировавший эти исторические свидетельства, полагает, что России, оправившейся от ноябрьского поражения 1700 года под Нарвой, требовалось взять реванш именно на месте шведского триумфа двухлетней давности. Однако если принять нашу гипотезу о существовании второго, более глубокого дезинформационного слоя, то и австрийский дипломат, и современный русский историк, возможно, недооценили всей изощренности петровских политических лукавств. Великий государь в таком случае оказывается едва ли не

первооткрывателем той информационной технологии, которая должна быть положена в основу учения о глубинных дезинформационных слоях, призванных защитить главный стратегический замысел²¹.

Другой, более известный пример удачного использования дезинформационных технологий для дезориентации противника связан с экспедицией Наполеона Бонапарта в Египет. Весной 1798 года вся Европа, конечно же, знала, что Франция готовит какую-то морскую экспедицию. Англичане же, сверх того, с особым вниманием следили за тем, как во всех южнофранцузских портах идет кипучая работа, как туда прибывают войска. Тайной не было и то, что главнокомандующим 5 марта 1798 года назначили генерала Бонапарта. И это назначение указывало на всю важность предстоящего дела.

Разумеется, эскадра адмирала Нельсона была готова расстрелять и потопить все французские суда. И именно поэтому Наполеон искусно распространил слух, будто бы он намерен пройти через Гибралтар, обогнуть Испанию и затем совершить высадку в самом неприятном для англичан месте, в Ирландии. Дезинформация (или «информация для нас») Нельсоном была воспринята, и его эскадра стала поджидать Наполеона у Гибралтара. Французский же флот, выйдя из гавани, пошел прямо на Восток к Мальте, острову, принадлежавшему еще с XVI века Мальтийскому ордену. Подойдя к острову, Бонапарт потребовал и добился его сдачи, объявил владением Французской республики и отбыл в Египет.

Будучи человеком весьма одаренным в самых разнообразных областях, Наполеон прекрасно осознавал всю мощь информационно-психологического оружия. Французс-

²¹ В. Б. Резун (Суворов), говоря о временах своего ученичества в системе ГРУ, вспоминает «матерого полковника», который повторял: «...нельзя верить тому, что демонстрируют... надо искать то, что от нас скрывают... Найдете то, что скрывают, не радуйтесь. Это может оказаться вторым каскадом закрытия. Помните: хороший секрет закрывают в два каскада. Или в три». (Суворов В. Самоубийство. Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., «Изд-во АСТ», 2002, с. 11).

кий император отдавал себе полный отчет в том, что, начав в России крестьянскую революцию, сможет легко добиться коренного перелома в ходе военных действий. Ведь после захвата Наполеоном Москвы среди «подлого» сословия распространились слухи, будто бы государь-император Александр Павлович сам тайно попросил Наполеона войти в Россию, чтобы тот помог ему в благородном деле освобождения крестьян от крепостной зависимости, так как сам боится помещиков. А в Петербурге, меж тем, под суд уже был отдан некий Шибалкин, который рассказывал, что Наполеон, настоящий сын императрицы Екатерины II, пришел к нам, чтобы отнять у Александра свою законную всероссийскую корону, после чего опять же освободит крестьян. Воистину показательные образчики того, что философически можно именовать «информацией для нас», а с психологической точки зрения являет из себя примеры стихийной «народной самодезинформации».

«В тот октябрьский день, когда в московском Петровском дворце Наполеон колебался, издать ли декрет об освобождении крепостных крестьян, или не издавать,— писал академик Е. В. Тарле, — в нем шла сильнейшая борьба... Что русское крепостное право гораздо больше похоже на рабство негров, чем на крепостничество в любой из разгромленных им феодально-абсолютистских держав Европы, Наполеон очень хорошо знал: шпионов в России он содержал целую тьму, информацию имел весьма полную и разнообразную. Но революционного генерала уже давно не было, а по залам Петровского дворца, украдкой наблюдаемый дежурными адъютантами, ходил в раздумье взад и вперед его величество Наполеон I, божьей милостью самодержавный император французов, король Италии, фактически верховный сюзерен и хозяин всего европейского континента... Что удержало руку На-

полеона? Почему он не решился привлечь на свою сторону многомиллионную крестьянскую массу? Гадать много не приходится. Он сам объяснил это. Он впоследствии заявил, что не хотел разнуждать стихию народного бунта, что не желал создавать положение, при котором „не с кем“ было бы заключить мирный договор. Словом, император новой буржуазной монархии чувствовал себя все-таки гораздо ближе к хозяину крепостной полуфеодальной романовской державы, чем к стихии крестьянского восстания»²². Эта гипотеза академика Е. В. Тарле кажется весьма правдоподобной. К тому же она объясняет, почему французский император, отказавшись от радикального использования методов информационно-психологической войны, ограничился лишь их применением для мелкого шантажа русского императора. В 1812 году, формально обращаясь к своим сенаторам, а на деле, конечно же, к Александру I, Наполеон писал: «Война, которую я веду, есть война политическая. Я ее предпринял без вражды, и я хотел избавить Россию от тех зол, которые она сама себе причинила. Я мог бы вооружить против нее часть ее собственного населения, провозгласив освобождение крестьян... Много деревень меня об этом просило, но я отказался от меры, которая обрекла бы на смерть тысячи семейств».

Но половинчатость и непоследовательность принимаемых решений в информационной войне еще более опасна, чем непоследовательность и половинчатость командирских решений в ходе обычных военных действий. Это, кстати сказать, очень хорошо осознали политики, претендовавшие на мировое господство в следующем столетии. Они-то уж очень хорошо понимали всю гибельность «половинчатости».

Действительно, лишь XX век дал миру политиков беспредельно раскрепощенных, показавших, что для них не существует психо-

²² Тарле Е. Наполеон. М.Л., 1940, с. 267–268.

логических барьеров в деле информационной войны. Ленин и Сталин, Гитлер и Геббельс, Мао Цзэдун и Аятала Хомини — каждый из них внес свой особый вклад в становление современных информационных технологий. Пусть многие из перечисленных политиков не столь уж далекого прошлого сейчас предаются публичному поношению как преступники, виновные в многочисленных человеческих жертвах, но их «творческое» наследие очень часто и охотно используется представителями отдельных политических элит для достижения своекорыстных целей. При возникновении же военных конфликтов некоторые «моральные табу» снимаются просто автоматически. Достаточно вспомнить, как уже в наши дни во время НАТОвских бомбардировок Югославии в объединившейся Германии вновь зазвучала поговорка «Serbien muss sterbien», родившаяся в далеком 1914 году.

«Во время войны пропаганда должна быть средством к цели, цель же, — по мнению Гитлера, — в борьбе за существование немецкого народа»²³. Анализируя неудачный опыт немецкой пропаганды 1914–1918 годов, будущий вождь Третьего рейха, заключенный с 1 апреля 1924 года в крепость Лансберг, возвышался до следующих обобщений: «На деле пропаганда есть средство и потому должна рассматриваться не иначе как с точки зрения цели. Вот почему форма пропаганды должна вытекать из цели, ей служить, ею определяться. Ясно также, что в зависимости от общих потребностей цель может изменяться и соответственно должна изменяться также и пропаганда»²⁴.

Принцип необходимого видоизменения целей в зависимости от меняющейся социально-политической конъюнктуры осознавался и политическими лидерами большевизма. Вспомним, как В. И. Ленин отказался

от лозунга «*Вся власть Советам!*» после того, как реальное руководство советами перешло в руки меньшевиков. Вспомним, как в начале Великой Отечественной войны И. В. Сталин приостановил официальный советский атеизм, ставший для СССР теперь просто опасным. Ведь в оккупированные районы страны вместе с немецкими войсками вступали и духовные миссии, вновь открывавшие поруганные большевиками православные церкви.

Разумеется, германские оккупационные власти возвращали храмы верующим отнюдь не из православного благочестия. Для них эта акция также была важным элементом спецпропаганды среди войск и населения противника. Известные рассуждения Гитлера из «*Mein Kampf*» о военной пропаганде дают нам ясное представление о приемах информационной войны, с помощью которых национал-социалисты стремились «заставить массу поверить», будь то в Германии или в России.

«Задача пропаганды, — писал вождь НСДАП, — заключается, например, не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную исключительную правоту. Задача военной пропаганды заключается в том, чтобы непрерывно доказывать свою собственную правоту, а вовсе не в том, чтобы искать объективной истины и доктринерски излагать эту истину массам, даже в тех случаях, когда это оказывается к выгоде противника»²⁵.

Создается впечатление, что эта гитлеровская идея на сегодняшний день усвоена не только военными пропагандистами крупнейших мировых держав. Она уже адаптирована политиками, журналистами, имиджмейкерами и к нуждам информационной войны в рамках так называемых «демократических обществ». Эта идея была

²³ Гитлер А. Моя борьба. (Перевод с немецкого с комментариями редакции). М. «Витязь», 2000, с. 149.

²⁴ Там же, с. 148.

²⁵ Там же, с. 150.

положена в основу большинства успешных избирательных кампаний, а стало быть, от ее использования вряд ли откажутся даже те, кто привык постоянно говорить о разнообразных «правах человека», включая право на информацию.

«Всякая пропаганда должна быть доступной для массы,— писал А. Гитлер,— ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень. А раз дело идет о пропаганде во время войны, в которую втянут буквально весь народ, то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста. Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды»²⁶.

Опора на симплицизм мышления широких народных масс была провозглашена А. Гитлером в самом начале своей политической карьеры. Но этим принципом он руководствовался и впоследствии, когда сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти. Весьма показательной в этом отношении является историческая речь фюрера от 22 июня 1941 года, в которой он возлагал всю меру ответственности за развязывание войны против СССР не только на Москву, которая «нарушила условия нашего дружественного договора» и «позорнейшим образом изменила»²⁷, но и на «иудейско-английских поджигателей войны». При этом уверялось, что «германский народ никогда не питал враждебных

чувств к народам, населявшим Россию. Но еврейско-большевистские владыки Москвы в течение двух десятилетий старались зажечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе»²⁸. Как известно, особые разделы в этой речи были посвящены британской политике окружения и советским приготовлениям на восточной границе. Гитлер, ссылаясь на слова американского генерала Вуда, утверждал, что Черчилль уже в 1936 году заявил в комиссии Конгресса: «Германия становится слишком могущественной и потому должна быть уничтожена»²⁹. Эмоциональной доминантой выступления поэтому становилась идея: с лета 1939 года Англия сочла момент подходящим для возобновления политики окружения Германии и при этом преследовала одну цель — ее уничтожить. «Начатая кампания лжи,— говорил Гитлер,— стремилась убедить другие народы, что им грозит опасность», и тем самым побуждала эти народы поверить английским гарантиям с тем, чтобы впоследствии «заставить их участвовать в мировой войне против Германии». Таким образом, немецкий народ обретал возможность уверовать в то, что ответственность за неизбежно кровопролитную войну с Советским Союзом ложится на кого угодно, но только не на Германию.

Однако в хорошо продуманной речи от 22 июня 1941 года даже британские козни меркнут в сравнении с «вероломными» советскими приготовлениями на восточной границе: «...броневые соединения и отряды парашютистов все более приближались к германской границе. Германская армия и германская родина знают, что еще несколько месяцев тому назад на нашей восточной границе не было ни одной боевой или моторизованной дивизии...»³⁰. И все это при-

²⁶ Там же

²⁷ А. Гитлер. Речь от 22 июня 1941 года // Волшебная гора. II, Москва.: «Пилигрим», 1994.

²⁸ Там же, с. 136.

²⁹ Там же, с. 133.

³⁰ Там же, с. 140.

уготовляло к принятию самого главного: *«Германский народ! В этот момент происходит наступление наших войск, равного которому по размерам еще не видел мир».*

Лучшие идеи гитлеровской речи от 22 июня 1941 года легли в основу широко известных произведений советского разведчика-перебежчика В. Б. Резуна (Суворова): *«Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну?»*, *«День М»*, *«Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз?»*, *«Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию?»*, *«Последняя республика»* и др.

«Существует немало указаний на то, что срок начала советской операции „Гроза“ был назначен на 6 июля 1941 года, — утверждает В. Б. Резун (Суворов). — Мемуары советских маршалов, генералов и адмиралов, архивные документы, математический анализ сведений о движении тысяч советских железнодорожных эшелонов — все это указывает на 10 июля как дату полного сосредоточения Второго стратегического эшелона Красной Армии вблизи западных границ. Но советская военная теория предусматривала переход в решительное наступление не после полного сосредоточения войск, а до него. В этом случае часть войск Второго стратегического эшелона можно было бы сгружать уже на территории противника и после этого вводить в бой.

Жуков (как и Сталин) любил наносить свои внезапные удары воскресным утром. 6 июля 1941 года — это последнее воскресенье перед полным сосредоточением советских войск»³⁰.

Как известно, именно этим умозаключениям В. Б. Резуна (Суворова) суждено было выполнить исключительно важную функцию в информационно-психологической войне против народа, еще недавно именовавшегося «советским». В СССР подвиг народа в Великой Отечественной войне десятилетиями являлся доминирующим

социальным идеалом (то есть тем идеалом, в который верило большинство граждан страны). Измельчение и разрушение этого главного социального идеала всевозможными сомнениями типа: *«Вот ведь Сталин-то первым готовился напасть на Гитлера, а тот его просто опередил»*, естественно, способствовала возникновению в обществе идеологического кризиса. Последовательная дегероизация событий военного прошлого, конечно же, может быть проиллюстрирована и на материале последних произведений Виктора Астафьева и ряда других перестроечных литераторов, но все-таки В. Б. Резун (Суворов) в этом деле профессиональнее всех. Убедиться в этом позволяет хотя бы такая цитата:

«На машинах политотдела догоняют солдаты свои батальоны, рассказывают.

— Ну, как там, браток, в Освенциме?

— Да ничего интересного, — жмет плечами бывалый солдат в черном бушлате. — Все как у нас. Только климат у них получше.

Пьет батальон горькую водку перед вступлением в бой. Хорошие новости: разрешили брать трофеи, грабить разрешили. Кричит комиссар. Охрип. Илью Эренбурга цитирует: сломить гордость надменного германского народа!

Смеются черные бушлаты: это каким же образом гордость ломать будем, поголовным изнасилованием?»³¹.

Совершенно очевидно, что методикам дегероизации наиболее значимых событий исторического прошлого принадлежит весьма значимая роль в условиях ведения информационной войны, ибо успешное применение этих методик существенно облегчает стимулирование идеологического кризиса.

По справедливому мнению В. П. Бранского и С. Д. Пожарского, *«конечным итогом развития идеологического кризиса является достижение состояния идеологического ваку-*

³⁰ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: «Изд-во АСТ», 2002, с. 136.

³¹ Там же, с. 105.

ума. Здесь наблюдается равенство сил между идеалами и антиидеалами, в результате чего ни один из них не может быть реализован, все мероприятия взаимно блокируются и общество оказывается парализованным»³².

Методика достижения равенства между антиидеалом и идеалом принадлежит к числу наиболее действенных средств стимуляции идеологического кризиса как внутри малой группы, так и внутри гигантского государственного образования. Подобно компьютерному вирусу равенство нейтрализующих друг друга идеалов нарушает функционирование любой идеологической системы. Именно поэтому широкому тиражированию книг В. Б. Резуна (Суворова), разрушавших доминирующий социальный идеал советского общества, было придано столь важное значение.

Естественно, возникает вопрос, существовала ли информационная технология, способная нейтрализовать интеллектуальную экспансию разведчика-перебежчика. Такая методика существовала, но сводилась она отнюдь не к запоздалому уличению В. Б. Резуна (Суворова) в различного рода исторических неточностях и фактических ошибках. Автор «Ледокола» легко мог быть «задушен в объятиях» альтернативного антиидеала, но на исходе XX века в России не существовало идеологического спецназа, который был бы в состоянии справиться с подобного рода задачей.

Как известно, В.Б. Резун провозгласил, что «срок начала советской операции „Гроза“

был назначен на 6 июля 1941 года», то есть именно в этот воскресный день Советский Союз готовился напасть на Германию. Гитлер же 22 июня лишь нанес упреждающий удар, чтобы отсрочить неминуемую гибель своей страны. Встав на эту резунскую точку зрения, мы неизбежно вынуждены признать, что потенциальным агрессором была не гитлеровская Германия, а СССР.

До сего места логика «ледокольных» рассуждений удовлетворяла очень многих на нашей планете. Но достаточно было бы вслед за А и В громко сказать С, как В. Б. Резун (Суворов) в одночасье мог бы превратиться в фигуру *non grata* для так называемого «мирового общественного мнения». Коль скоро, как утверждает автор «Ледокола», гитлеровская Германия нанесла лишь упреждающий удар по стране, готовившейся напасть на нее 6 июля, с немецких военных и дипломатических руководителей должно быть снято обвинение в развязывании агрессивной войны³³. Но это, в свою очередь, **создает идеологическое основание для пересмотра решений Международного Нюрнбергского трибунала**, по крайней мере, в отношении таких нацистских преступников, как министр иностранных дел И. Фон Риббентроп, генерал-фельдмаршал В. Кейтель, министр вооружений А. Шпеер³⁴. Возникает опасная предпосылка для реабилитации части нацистских преступников, а с этим «мировое общественное мнение» сегодня уж никак не может согласиться.

³² В. П. Бранский, С. Д. Пожарский. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума в свете концепции синергетического историзма. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Политехника, 2002, с. 105.

³³ «Сравним слова Кейтеля и Кузнецова,— пишет В. Б. Резун (Суворов),— Генерал-фельдмаршал В. Кейтель говорит: Германия не готовила агрессию против Советского Союза, агрессию готовил Советский Союз. Германия просто защищалась от неизбежной агрессии, применив упреждающий удар. Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов говорит то же самое: Да, Советский Союз готовился к войне и неизбежно в нее вступил бы, но Гитлер своим ударом эти планы сорвал». (Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: «Изд-во АСТ», 2002, с. 320).

³⁴ «Мне не понятно,— пишет В. Б. Резун (Суворов),— что в Нюрнберге судьям из „международного трибунала“ не хватило желаний (и профессиональной честности) найти настоящих виновников

Следует особо подчеркнуть, что многочисленные книги В. Б. Резуна (Суворова) представляют не просто грозное, но и обоюдоострое информационное оружие. Еще в позапрошлом веке Ф. И. Тютчев писал:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

(27 февраля 1869 г.)

«Ледокольная» информационная конструкция В. Б. Резуна (Суворова), дробившая на исходе XX столетия доминирующий социальный идеал советского народа, в новых исторических условиях XXI века может оказаться незабываемым фундаментом для становления идеологии неосталинизма. В изменившемся геополитическом контексте, когда величайшая прежде держава утратила одну пятую своей территории при полном бездействии высшего военного руководства, не защитившего национальные интересы страны, «суворовская» мысль о том, что Сталин в 1937–1938 гг. совершенно правильно уничтожил командный состав Рабоче-крестьянской Красной армии, кажется вполне убедительной. А значит, «злонамеренной хрущевской клеветой» становятся любые утверждения о необоснованности тогдашних репрессий в армии, о пресловутых «сталинских ошибках». Более того, уязвленное чувство национальной гордости «дорогих россиян» (связанное со все большей зависимостью внешней и внутренней политики РФ от США и ЕС) будет провоцировать у тысяч людей восхищение завораживающими «суворовскими» рассказами о том, как И. В. Сталин в «День М» собирался захватить всю Западную Европу.

Из всего сказанного о книгах В. Б. Резуна (Суворова) следует и куда более общий вывод о том, что возникновение нового ин-

формационного контекста с неизбежностью влечет за собой изменение психологических качеств исходной информации. Это изменение может оказаться столь радикальным, что конкретная информационная конструкция приобретет психологические качества, прямо противоположные изначальным.

А. И. Юрьев во «Введении в политическую психологию» четко противопоставляет (I) «объективности информации» «**фальсифицирующую информацию**», (II) «системности информации» «**дезорентирующую информацию**», (III) «организованности информации» «**демо-рализующую информацию**», (IV) «достаточности информации» «**дестабилизирующую информацию**», (V) «ясности информации» «**дезинформацию**», (VI) «конкретности информации» «**дезорганизовующую информацию**», (VII) «практичности информации» «**дискредитирующую информацию**», (VIII) «необходимости информации» «**дезинтегрирующую информацию**»³⁵. Принимая такую классификацию, следовало бы сказать, что принадлежность к любому из перечисленных видов информации определяется более широким информационным контекстом, а, стало быть, при его изменении (с субъективной точки зрения) «объективная информация» может превратиться в «**фальсифицирующую информацию**», «системная информация» в «**дезорентирующую информацию**» и так далее. Именно поэтому едва ли не самым действенным оружием информационной войны следует признать **метод изменения общего информационного контекста**, когда в свою противоположность начинают обращаться все создававшиеся прежде микро- и макроинформационные конструкции.

Разумеется, в одночасье изменить весь информационный контекст, хотя бы в рамках отдельно взятой страны,— задача исключительной сложности. Для этого требуются впе-

войны. Но мне не понятно, почему же „судьи“ после признания адмирала Кузнецова не собрались срочно в Нюрнберге и не сняли часть обвинений против Кейтеля, Йодля, германского Вермахта и вообще всей Германии». См. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: «Изд-во АСТ», 2002, с. 320.

³⁵ Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., Изд-во СПбГУ, 1992, с. 110–111.

чатляющие силовые акции, которые заставляли бы говорить о себе всех и в то же время девальвировали бы представления, формировавшиеся под воздействием прежних микро- и макроинформационных конструкций.

Понятие микро- и макроинформационной конструкции было впервые введено в научный обиход Д. Ф. Мезенцевым, заложившим основы для создания теории информационных фантомов в рамках современной политической психологии³⁶. По его мнению, системный анализ лавинообразных потоков всевозможных сведений об окружающем мире, который уже давно наблюдается в человеческих сообществах, невозможен без четкого различения микро- и макроинформационных конструкций. Ведь любые частные сообщения, будь то в печатных или электронных СМИ, неизбежно выстраиваются в гигантскую, порой общенациональную, а иногда даже транснациональную макроинформационную конструкцию³⁷.

Примечательно, что исторической основой для мезенцевских теоретических построений послужили события весны 1958 г. во Франции. Те события, которые в своем конечном итоге привели не только к падению режима Четвертой республики, но и к передаче власти генералу Шарлю де Голлю.

Как известно, до момента весеннего кризиса Шарль де Голль находился «не у дел», но его час пробил, когда в правых кругах французского общества возникла глубокая убежденность в неэффективности тогдашней многопартийной системы. Существовавший республиканский строй, как тогда многим казалось, не способен был защитить государственное величие Франции. Еще более радикальные настроения стали характерны для той части правых кругов, которая была тесно связана с армией. В связи с тяжелой и затяжной войной в Алжире настроения эти лишь крепили. Так формирова-

лась политическая установка на ликвидацию Четвертой республики, с тем чтобы утвердить в стране режим авторитарной власти, свободной как от влияния политических партий, так и от «мелочного контроля» со стороны Парламента и общества.

В ту пору для правых сил единственно приемлемым носителем «авторитарного начала» и своеобразным «национальным арбитром» мог быть лишь генерал Шарль де Голль. К тому же он был известен в народе как герой французского сопротивления. Однако несмотря на некоторую внутреннюю напряженность во французском обществе, которую порождала не слишком удачная колониальная война в Алжире, в стране не было глубокого политического кризиса. Подавляющее большинство граждан поддерживало режим Четвертой республики. А это означало, что попытка осуществить смену режима путем открытого переворота оказалась бы для ее инициаторов опасной авантюрой с непредсказуемыми последствиями. Ведь полной готовности к смене политического режима силовым путем не было даже в рядах вооруженных сил.

Осознавая всю сложность политической ситуации, сторонники генерала де Голля встали на путь информационно-психологической войны с тогдашним республиканским строем. Началом этой войны можно считать 13 мая 1958 года, когда был инсценирован путч колониальной армии Алжира против правительства метрополии. Главная задача тех, кто осуществлял эту инсценировку, конечно же, заключалась в том, чтобы породить во французском обществе повсеместное ощущение угрозы — угрозы, связанной с начинающейся гражданской войной. Тем самым взрывался весь прежний информационный контекст, и в свою противоположность обращались микро- и макроинформационные конструкции недавнего прошлого.

³⁶ Мезенцев Д. Ф. Психология влияния средств массовой информации на формирование политических установок личности. Специальность 19.00012 — политическая психология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. СПб., СПбГУ, 1998, с. 20.

³⁷ Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // «Вестник политической психологии», СПб, 2002, № 1 (2), с. 18.

Г. М. Ратиани, бывший непосредственным свидетелем падения Четвертой республики во Франции, писал следующее: *«Парижане, проснувшись 16 мая, сразу увидели, что город за одну ночь изменил свой облик: на улицах и площадях военные грузовики и военные патрули, часовые у государственных учреждений, усиленная внешняя и внутренняя охрана Бурбонского дворца. Этот военный облик Париж будет сохранять две недели. Еще ночью Пфлимлен объявил по радио, что правительство подготовило проект закона о чрезвычайном положении на территории Франции... Мобилизация полиции, жандармерии, войск СРС, которые фактически оккупировали весь Париж и другие промышленные центры, использовались, главным образом, как мера психологического давления на население. С утра до вечера в Париже можно было наблюдать загадочные маневры длинных колонн военных грузовиков с левого берега на правый, с площади Республики к Елисейским полям, из Булонского леса в Венсен. Никто не мог объяснить, почему войска СРС утром разбивали свой лагерь на Марсовом поле, а во второй половине дня вытаптывали траву на аллее между мостами Александра III и Альма. Все это казалось непонятным и бессмысленным, но создавало давящую, тревожную обстановку, и по Парижу среди обывателей поползли всевозможные слухи и самые невероятные предположения»*³⁸.

В многочисленных исторических исследованиях, посвященных падению Четвертой республики, в том числе и в замечательной книге Г. М. Ратиани, убедительно доказано, что в мае 1958 года была осуществлена лишь имитация путча с целью «шантажа» французского общества. У алжирских заговорщиков, естественно, не было реальных сил организовать бросок

на Париж, и даже среди высшего военного командования в метрополии отнюдь не все сочувствовали их планам. Таким образом, «алжирский путч» и иные сопутствующие ему политические события во многом носили фарсовый характер. *«Однако он,— как замечает Д. Ф. Мезенцев,— был использован правыми политическими кругами, и что особенно важно, подавляющей частью французской печати, связанной, в основном, с правыми, для создания и стремительного внедрения в умы миллионов французов грандиозного информационного фантома — представления о том, что Франция глубоко расколота, стоит на пороге гражданской войны, и лишь приход к власти „национального арбитра“, стоящего „над партиями“ и их политическими страстями генерала де Голля может еще спасти страну»*³⁹.

Здесь уместно напомнить, что под **информационным фантомом**, сокращенно **ИНФА** (от латинского *informatio* «представление» + греческого *φάντασμα* «призрак», т. е. «представление-призрак»), мы вслед за Д. Ф. Мезенцевым понимаем **совокупность достоверной, недостоверной и/или заведомо неполной информации, используемой как инструмент формирования требуемых социальных и политических установок**⁴⁰.

Но вернемся во Францию 1958 года, где дни 28 и 29 мая стали апогеем политико-психологического кризиса. В ответ на угрозу военного переворота, с которой открыто выступили сторонники смены режима, левые силы организовали грандиозную манифестацию в поддержку республики. В ней приняли участие по меньшей мере 200 тысяч человек.

В ночь на 30 мая в Париже уже ожидали начала высадки отрядов алжирских парашютистов. Тогда же глава государства,

³⁸ Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., «Мысль», 1980, с. 346–359

³⁹ Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // «Вестник политической психологии», №1(2) СПб., 2002, с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 29.

вслед за отставкой законного правительства, поставил национальному собранию по существу политический ультиматум: либо призывание де Голля и наделение его чрезвычайными полномочиями, либо его собственный уход накануне военного переворота. Получалось, что республика может оказаться одновременно и без правительства, и без президента, а Национальное Собрание будет прямо противопоставлено французской армии и стоящей за ней «патриотической общественности». Именно такими методами сильнейшего психологического давления в 1958 году приводили к власти генерала де Голля.

Воздействие ИНФА и информационных фантомных конструкций на сознание широких народных масс поистине огромно. Об этом безжалостно свидетельствует не только новейшая политическая история стран Западной Европы, но и события последних месяцев существования СССР. Возможно, если бы советских людей получше учили истории в средней школе, а главное, если бы нашему народу в меньшей степени было свойственно историческое беспамятство, то примитивное повторение парижских работок весны 1958 через 33 года в Москве не было бы возможно. Однако история не терпит сослагательного наклонения.

Ни для кого не секрет, что к лету 1991 года основная масса населения Советского Союза испытывала глубочайшее разочарование в горбачевской политике «перестройки». Сам же Генеральный секретарь ЦК КПСС стал фигурой исключительно непопулярной как среди рядовых граждан, так и среди членов возглавляемой им партии. В рядах высшего партийного руководства уже назревали настроения, отчасти напоминающие те, что предшествовали Октябрьскому Пленуму ЦК КПСС 1964 года, после которого Н. С. Хрущев был освобожден от всех занимаемых должностей.

«Можно себе представить, какой и впрямь произошел бы в стране переворот, когда бы президент СССР был бы выведен из все еще правящей и многомиллионной партии, имевшей в своем пользовании огромное число техники, строений, издательств, типографий, на счетах которой лежали миллиарды рублей!» — писал В. Хатюшин. — Такой переворот мог произойти в любую минуту и допустить его демократы не имели права»⁴¹.

В сложившейся ситуации (весьма неблагоприятной как для демократических сил, так и лично для М. С. Горбачева) возникли иллюзии, что самым простым выходом будет упреждающая силовая акция, призванная взорвать весь «информационный контекст» перестроечной действительности. Тем самым антигорбачевские силы будут полностью дискредитированы, а Президент СССР вновь обретет к тому времени утраченное народное сочувствие.

Министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе был едва ли не первым, кто начал создавать фантомную, пока что микроинформационную конструкцию о готовящемся «путче». Исходная идея в среде творческой интеллигенции была сразу же воспринята кинорежиссером С. О. Снежкиным, который смог получить необходимый материальный ресурс для съемки широко известного кинофильма «Невозвращенец». Фильм был снят как раз как августовским событиям, когда произошло создание ГКЧП — Государственного комитета по чрезвычайному положению, в столицу двинулась бронетехника, а телевидение по всем каналам начало транслировать «Лебединое озеро». При этом в кратких официальных информационных передачах утверждалось, что М. С. Горбачев заболел, в то время как демократические силы через подконтрольные им СМИ доносили до народа «правду» о том, что президент СССР полностью блокирован путчистами в Фаросе.

⁴¹ Хатюшин В. Переворот по плану «икс» // «Глашатай», № 1, февраль 1992, с. 2.

«Уже множество фактов говорит об имевшейся и не прерывавшейся связи М. Горбачева с Москвой все три дня переворота»,— пишет В. Хатюшин и иллюстрирует это утверждение следующими примерами: «В выступлении на вечернем заседании сессии Верховного Совета СССР 28 августа заместитель премьер-министра В. Щербаков, рассказывая о своих сомнениях в законности введения чрезвычайного положения, вдруг в сердцах воскликнул: „Это счастливая случайность, что Михаил Сергеевич Горбачев позвонил мне за 20 минут до конференции (имелась в виду пресс-конференция экачепистов, начавшаяся 19 августа в 17 часов)“. Следовательно, 19 августа связь у Горбачева с внешним миром была. Была она, по-видимому, и 20 августа. Во всяком случае, в тот день в Белом доме на Краснопресненской набережной произошло событие, которое многих удивило, а охрану из числа российского КГБ обескуражило: „...молодой корреспондент ленинградской «Смены» Гоша Урушадзе сумел связаться с Горбачевым и переговорить“! («Мегаполис-экспресс», 1991, № 35, с. 19). Выходит, что М. Горбачев во время путча поддерживал связь с Б. Ельциным»⁴².

Весьма показательно и бессмысленное трехдневное стояние в центре Москвы танков и БТРов. (Как свидетель, побывавший 21 августа 1991 г. в столице, не могу не поделиться своим тогдашним изумлением: бронетехники в Москву нагнали столько, словно готовились к сражению под Курской дугой). В действительности же она была едва ли не главным оружием психологической войны. Тем оружием, с помощью которого не только взрывался весь «информационный контекст» давно зашедшей в тупик горбачевской перестройки, но и унижалась, оскорблялась, дискредитировалась армия. Ведь в августовской информационной войне Советской Армии также

была уготована участь жертвы. Согласно сценарию, ей отводилась роль «главной исполнительницы» «военного переворота», но чтобы вызвать у населения сильнейший всплеск негативных антиармейских эмоций, требовались, помимо прочего, еще и жертвы среди мирных, невооруженных граждан. «Не секрет,— писал в феврале 1992 года В. Хатюшин,— что многих молодых людей у Белого Дома спаивали, дабы те не боялись бросаться на танки и бронетранспортеры, ведомые такими же молодыми парнями, не собиравшимися ни на кого нападать. Надо, наконец, открыто сказать, что в четырех жертвах путча повинны те, кто напал первым, кто в прямом смысле шел убивать»⁴³. Возможно, сегодня слова о четырех жертвах, заимствованные из столичной газеты десятилетней давности, кому-то просто покажутся опечаткой. В общественном сознании давно укоренилось представление о трех погибших «защитниках Белого Дома». Однако имеется и четвертая жертва. Ею был сгоревший солдат — механик-водитель БТРа, уже ушедшего из Москвы. БТР подожгли как бы на прощание.

Исключительно важно, что и «консервативный генералитет» Министерства Обороны СССР, и нижестоящие командиры сделали все, чтобы не допустить больших человеческих жертв. Армия изо всех сил стремилась не поддаваться на провокацию тех, кто организовывал не мифический, а реальный заговор против государства и его вооруженных сил. Но высшие военные руководители вскорости все равно были смещены.

Весьма примечательно и то, что за три дня молчаливо-бездеятельного «путча» от имени Коммунистической Партии Советского Союза в поддержку «путчистов» не последовало никаких заявлений. И Политбюро, и Центральный Комитет КПСС устанились от какой бы то ни было оценки

⁴² В. Хатюшин. Переворот по плану «икс» // «Глашатай», № 1, февраль 1992 г., с. 2.

⁴³ Там же.

происходящего. Подобным же образом отреагировало и политическое руководство Коммунистической партии Российской Федерации. Однако позиция демонстративного устранения от всего происходящего уже не могла спасти некогда «руководящую и направляющую силу советского общества». Ведь с 20 августа в сознание миллионов людей уже внедрялась будто бы народная «расшифровка» аббревиатуры ГКЧП — *«Гады коммунисты, что придумали!»*.

На этом слогане имеет смысл остановиться подробнее, ибо он действительно представляет собой одну из лучших находок августовской информационно-психологической войны, подготовившей крушение СССР. По сути дела, перед нами — воплощенная в слове **фигура Рубина**, широко известная всем психологам. Подобно тому, как на примечательной картинке из учебника психологии одни видят два женских профиля с развевающимися волосами, а другие — хрустальную рюмочку на черном фоне, слоган *«Гады коммунисты, что придумали»* сразу же давал возможность двоякого понимания. Для большинства *«гадами коммунистами»* становились члены ГКЧП, а для меньшинства — *«фаросская жертва»*, генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Его участь, согласно доктрине Бетти Глед о президентах-двойниках, сменяющих друг друга, чтобы довести до конца великое политическое предприятие, естественно, была предreshена уже в августе. Тем самым слоган содействовал решению как первичной, так и вторичной задачи информационно-психологической войны.

Трагические события 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах Америки (по прошествии всего лишь одного года) приобретают облик тем более чудовищного злодеяния, что они были сознательно использованы для взрыва **мирового информационного контекста** с целью решения глобальных геополитических проблем. Без такого информационного взрыва чудовищ-

ной силы, приведшего к созданию фантомной макроинформационной конструкции планетарного масштаба, Соединенные Штаты не смогли бы объявить зоной своих жизненных интересов территорию исторической России или, пользуясь демократической фразеологией, «бывшего СССР». Американское военное присутствие в странах Центральной Азии, входящих в состав СНГ, в Афганистане и в Грузии просто не было бы возможным. Очевидно, что для психолого-политического закрепления достигнутого успеха в ближайшее время будет применена методика объективизации всего произошедшего.

Методика объективизации относится к числу весьма действенных информационных технологий. Происходящие события или некий политический процесс объявляются не следствиями «субъективного фактора», то есть результатом волевых усилий конкретных заговорщических групп, политических партий, транснациональных корпораций или межгосударственных объединений, но воплощением естественного хода мирового развития, а стало быть, фатальной исторической неизбежностью. Применительно к нынешней геополитической ситуации целесообразно будет вспомнить господина Хантингтона с его войной цивилизаций, особо подчеркивая то обстоятельство, что сейчас отживающие агрессивные цивилизации прошлого атакуют современное человечество, вступающее в эпоху глобализма. Естественно, что *«глобализация — это объективный процесс»*, который *«невозможно остановить»*. Конечно же, те, кто не утратил исторической памяти, могут возразить, что и *«социализм победил в нашей стране полностью и окончательно»*, что *«нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»* аж в 1980 году, что *«альтернативы перестройке нет»*. Во всех перечисленных политических лозунгах методика объективизации нашла свое достойное применение. Коль скоро событие или процесс

начинает восприниматься населением как нечто неизбежное и неотвратимое, оно утрачивает интерес к сопротивлению. И пусть даже событие или процесс вступает в противоречие с интересами широких слоев общества — **что пользы плевать против ветра истории!**

Однако методика объективизации может стать грозным информационным оружием также и в руках антиглобалистов. Последнее выступление Джорджа Сороса, сигнализирующее о вероятном снижении курса американской валюты, реальная обеспокоенность транснациональной финансовой элиты, нашедшая свое отражение в усилившейся нестабильности мировых валютных рынков, и проявившаяся в последнее время тенденция противопоставить новую объединенную валюту евро как альтернативу американскому доллару — все это **достаточная информация** для применения упомянутой выше методики. Проиллюстрируем это на примере трех микро-информационных конструкций, которые, будучи в одночасье развернуты в макро-информационную конструкцию, способны овладеть умами миллионов людей.

Первое. Объективная реальность такова, что сформировавшийся в США чересчур

высокий уровень потребления был вполне допустимым для миллионов людей в период холодной войны, когда шло соревнование двух антагонистических систем. В настоящее время, в связи с крушением социализма, он является анахронизмом, ибо планетарные ресурсы ограничены и не могут быть растрчены в течение двух ближайших столетий. Естественный процесс сбережения ресурсов для будущих поколений — объективная основа предстоящего упрощения мирового финансового уравнения.

Второе. Объективный анализ экономической ситуации в США приводит к неутешительному выводу о неустойчивости долларовой пирамиды, обвал которой может начаться в любую минуту.

Третье. Транснациональная финансовая элита уже готова отказаться от монополии доллара, пойдя на перераспределение части его функций в пользу новой резервной валюты — евро.

Такова объективная реальность. **Что пользы плевать против ветра истории!** Так что, в соответствии с идеями популярной песни из популярного кинофильма, *«думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь»*.